

Территория Творчества

Девять
Жизней

Осень. Лучшее

Валентина Спирина

Девять жизней. Осень. Лучшее

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять жизней. Осень. Лучшее / В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936566-8

Самые «вкусные» произведения по версии «Территории Творчества» за осенний период. Это, если говорить официальным языком, а если от себя и по-простому — лучшая любовная, социальная и пейзажная лирика, а также захватывающе-интересная проза, достойная ваших книжных полок, дорогие наши читатели.

ISBN 978-5-44-936566-8

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Светлана Королева	7
«Голова – дирижёр, ну а сердце – оркестр...»	9
«Я расскажу тебе что-нибудь. Ну а что – абсолютно неважно...»	10
«Люблю это золото Луны, подмигивающей меж деревьев моего маленького леса...»	11
«Мчись...»	12
«На лавочке набережной, под камерой, Рио-де-жанейро во всю таяло с нами...»	13
«Если подумать – каждый из нас в секте кивающих собачек...»	14
«Вечер по-детски обиделся: в сон бросился без пожеланий тёплых и сладких...»	15
«В полчетвертого...»	17
«И хорошо, что сентябрь-врагом-разозлился. Небо когтями зверя облачного на полосы...»	18
«Рассмотри это, пожалуй, как разнообразия-командировку- вне...»	19
«Если летишь с горы – в пропасть-яму-жизни, подожди – не дави на тормоз...»	21
«А я вижу намного больше, чем мне показывают...»	22
Кофе и зрелищ	23
«А давай помолчим. Хотя бы денёчка три. А может неделю всю...»	25
«Птиц не слышно уже почти, клювы да чемоданы сложили на юг. Юг. Юг...»	26
«Когда вся жизнь у тебя в контексте...»	27
«Меня пишут стихи. Строчка за строчку. Рифма за рифму. Мстят...»	28
«Девочка, милая! У тебя на руках два билета в жизнь...»	29
«Дайте, please, несвободным свободу!..»	30
«Стихи. Кофе. Ты. Зависимости у меня три...»	31
«Небо. Панцирем черепашым падает мне на плечи лёгкие...»	32
Другу – Верочке	33
«Мы все замылены...»	34
«Одна соломинка держится цепко за другую...»	35
«Все-таки странно это: слушаешь песню любую, а она вдруг про тебя...»	36
«У меня есть маленькая зарисовочка на тему Бога...»	37
«А что для души жизнь? Это один день ровно!..»	38
Другу	39
«Очередная порция рифм-шагающих из меня набатом про (как вы догадливы), именно – любовь!..»	40
«Я сегодня смотрела на жизнь, а она реальная! Представляешь! Радость какая!..»	42
«А мне не хочется спать. Время три! Ну и что? Какая разница!..»	43
Marcus Denight	44

Бессильем не унять тоску	46
Мой храм	47
Нет ничего	48
Мир Осени	49
Забывтое	50
Тот, кто любил	51
Средь синева	52
Стиль небесного пера	53
Средь лоскутков Весны	54
И не придут слова...	55
Моя печаль с Землёй разлучена	56
Был зимний день...	57
Зимний Сонм Воспоминаний	58
«Порыв прохлады яркой и неожиданной...»	59
«Как вдохновенье мыслью осиянной...»	60
«Прекрасны убеленные луга...»	61
«Так светел День и одухотворен...»	62
Вдохнув снежинок аромат...	63
Пора Заката	64
Гимн Четырём Ветрам	65
Трехстишья вольной высоты	67
«И наяву, и в полусне...»	68
«Внезапно память оживляя...»	69
«И проступало озаренье...»	70
«Напоминая о Весне...»	71
«Надежду в сердце поселяя...»	72
«И на заре, и на закате...»	73
«Пылал беззвучно горизонт...»	74
«И лицезрел небес дыханье...»	75
«Неповторимых восприятий...»	76
«Недосягаемых высот...»	77
Весны улыбчивой капель...	78
Елена Мельниченко	79
Душа	81
День рождения	82
Письмо	85
Страх	87
Девятая жизнь	89
В облаках	93
На вершине	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Девять жизней Осень. Лучшее

Редактор Валентина Спирина
Дизайнер обложки Валентина Спирина
Корректор Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6566-8

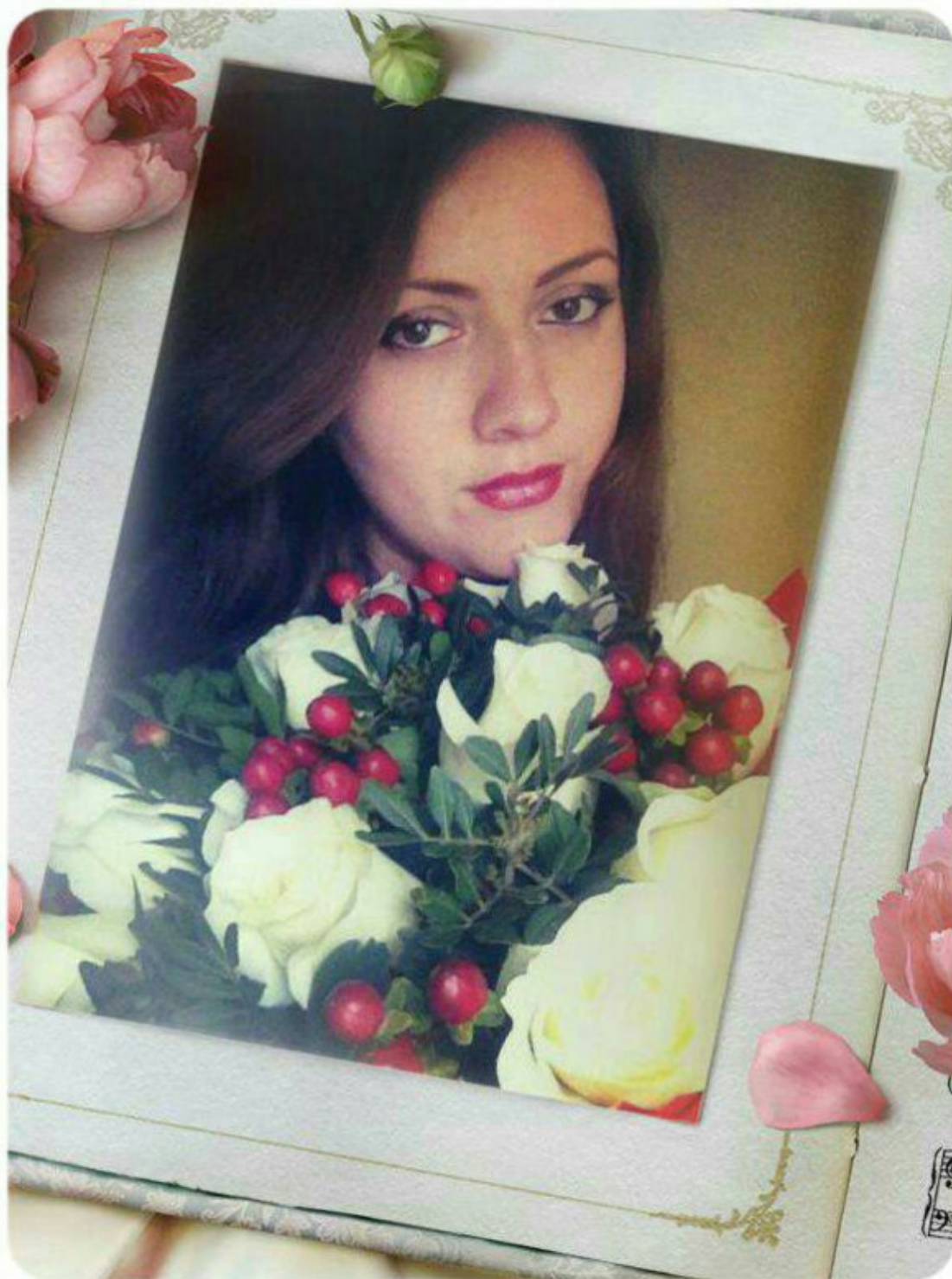
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения и фотографии в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Территория Творчества

Светлана Королева

Россия – Брянск

Всем доброго времени суток! Я – Королева Светлана, по профессии – учитель музыки, а в душе – поэтесса, писательница, певица и вечно молодая 17-летняя девчонка!

Творчеством увлеклась очень рано – в возрасте 8-ми лет, когда уловила красоту рифмы, случайно слетевшую с моих младых уст.

В школе писала отменные сочинения, часто настолько приукрашивая сюжет, что учителю русского языка и литературы становилось не по себе.

Чуть позже – годам к 15 – я начала не то чтобы писать стихи, я начала выстреливать рифмами, порой уносясь в мир воображения на долгие часы. Следом за рифмоплётством увлеклась прозой. Затем на какое-то время отвлеклась от творчества, занялась вплотную учёбой. Но, как говорится, от себя не убежишь.

Совсем недавно выпустила свой сборник рассказов и стихов под названием «И мне это нравится».

На сегодняшний день я – главный редактор электронного литературного журнала «Луч Светы», на страницах которого мы знакомим читателей с новыми талантливыми авторами и открываем их внутренний мир, что очень часто остается скрыто за произведениями, как за занавесом театра-жизни.

Также постоянно собираем со знакомыми авторами совместные книги, общее название которых «Девять жизней».

И вот – перед вами малая часть, подаренная мне вдохновением. Наслаждайтесь!

«Голова – дирижёр, ну а сердце – оркестр...»

Голова – дирижёр, ну а сердце – оркестр.
Без эмоций-чувств холодильник-разума-слов не находит места,
Отмеряя ритм сердечный барабанами усреднёнными тра-та-та.
Вроде мелодия до удушья знакомая, но совершенно не та.

Из угла в угол дирижирует аргументами-палочками возле пустой
оркестровой ямы.
Перед ней торжественно-чинно в шеренги-будней построились
господа и дамы,
Налево-направо-вниз – и в стороны раздавая приказы – быть
холодом,
А состав музыкальный навеки-отныне-всегда морить чёрно-белым
голодом.

За кулисами в это время оркестр играет-чуть слышно симфонию-
полудрожи,
Нотой каждой сея ужас-будущих-битых-надежд и тоску-
подневолья множа.
Партий-перебинтованных временем не переписывая-пластинкой
старой
Штопая чувств-заранее запрещённых ещё не тянущие раны.

Голова – дирижёр, ну а сердце – оркестр.
В каждом самом маленьком человеке для жизни-концерта
отыщется непременно место!
Стоит только послушать ум-заботой-пылающий и подружить его
с волнами-девятибалльного-сердца,
Запыляет костёр-мира-собственного, от которого всем на свете
захочется греться!

«Я расскажу тебе что-нибудь. Ну а что – абсолютно неважно...»

Я расскажу тебе что-нибудь. Ну а что – абсолютно неважно...
В перерывах поцелуев-между тридцатисекундном тайм-ауте.
Эти люди-смазанные фонарями-полуслепыми в мире-аккаунте
Бродят в своих стандартах, ища неизвестность-себя. И каждый

Мечтает хотя бы немного своеволия, да свободных антиправил,
Косятся: мол, глядите, им мир по пятки, сидят – наплевав
на писанные нормативы,
Друг в друге глазами. Искрятся нежностью страстной, да
непривычном для улиц-встревоженных позитивом.
За спинами, наглые, разноцветные крылья свои расправили!

А между делом вершится вечер-довольный, как кот, попавший
в сметану усами,
Проглотит ночь две фигуры, за руки – скреплённые и навек
красной нитью сшитые.
Молчание – золото. Разговоры – песни, душой переполненные
и покрытые.
Дорога – из пыли в россыпь цветов-лепестков – влюблёнными их
шагами.

«Люблю это золото Луны, подмигивающей меж деревьев моего маленького леса...»

Люблю это золото Луны, подмигивающей меж деревьев моего
маленького леса,
С меня-вечерней-переходящей в ночь с лёгкостью упадёт завеса,
Оставив сиять истинами лицо, улыбками звёздно-лиричного неба
растворяясь всецело,
А мне бы в жизнь твою – до меня – чёрно-белую шагнуть навсегда
уверено-смелой.

И самолётами-душами подальше от бренности, но поближе друг
к другу.

Люблю тишину, в которой даже мысли бродят на цыпочках,
не желая рушить блаженство соединения.
С тебя-уставшего падают воспоминания, бриллиантами звонко
в сердце, ища в нем ночлег-спасение.
Крылечко. И дрожь от холода, остро режущего. Как жаль, что руки
твои сейчас не на месте.
Как жаль, что поцелуи так далеки по расстоянию, хоть
ощущениями-чувствами мы – песня.

Куплетами и запевами трелью-дыхания где-то на уровне шеи
прогоняем до нас-привычную вьюгу.

Люблю. Даже добавлять ничего не хочется. Глухая по-бетховенски
ночь творит гениальные чудеса,
Кромсая в газетные клочья ненужное, вступетолченное.
И поднимая по ветру любви-паруса.
А нам бы! Нам бы! Сбыться вновь. С четверга на пятницу.
Опережая события,
Не обращая внимания на внимание слишком внимательного
и пустого зрителя.

Хватать воздух искр, крепко-нежно прижавшись. Вдыхать.
Наслаждаться, не загоняя время в угол.

«Мчись...»

Мчись.

Вставай, иди на кухню-видавшую виды. Жизнь твори.
Ставь кофе. Пускай бурлит в старинной турке вода,
А с ней закипают мысли.
Над домом дымкой-стеклом-паром вопросы повисли,
Которых ни за что, никогда не сожрут года,
Которых ждут. И с лёгкостью выпустят вместе с ответами, чуть
коснёшься лет через сто сырой земли.

Мчись.

Небо изменчиво. Небо ждёт твоих комплиментов,
Касаясь души звёздами-елесмотрящими.
Выживая из тебя – тебя. По маааленькой дозе, для привыкания.
Давай загадывай. Если намерен, то мир прольётся и сбудет
желания.
И перевернёшь с нормы на странности пылкое настоящее,
Стирая из старых привычек-блокнота-вежливости тянущих вниз
абонементов.

Мчись.

Да-да. Именно для тебя это скороспелое сообщение.
Сумки бежишь собирать? ни к чему!
По Парижу-себя без разницы в чем ходить, если что – подсобят
крылья.
Представляешь! Угломочерченные страхи исчезнут. И станет
былью
Мечты-дети. Внутри сжигая слабого сатану.
И, наконец, в самом важном ребенке-Боге-себе найдя спасение!

Мчись!

«На лавочке набережной, под камерой, Рио-де-жанейро во всю таяло с нами...»

На лавочке набережной, под камерой, Рио-де-жанейро во всю
таяло с нами,
Пары-мимобродящие вскользь и туманно немного лыбились,
Пряди волос моих, укрощенных руками любимыми, выбились.
Стружка кокоса с мороженым обжигала. И веяло сладкими снами.

Дорога бежала под поцелуи ежесекундные-нетерпеливые, словно
целованные наперёд,
Улицы будто кивали головами-фонарями добродушно
и одобрительно,
Стал ты ярко-осознанно-крышесносящим будней-спасителем,
Сердце – страдало бешенством стука. А сердце твоё не врёт.

Время упрямо снова упрямылось и бежало-летело часами-
сапсанами,
Так захотелось сломать стрелки, порвать правила поведения
приличных дам на куски.
Увы, давно за полночь. И Золушке милой дано погибать от тоски
И молча кричать, провожая такси-карету, разъединившую общее
государство-любви двумя нейтралитетами-странами.

«Если подумать – каждый из нас в секте кивающих собачек...»

Если подумать – каждый из нас в секте кивающих собачек...
Таких помните? Ни одну машину они заклеямили,
Захватив вместе с покорной автоматикой большую половину
мира,
Приняв на грудь пути личного строгий обет «безбрачий».

Если подумать – каждый из нас танцует жаром-желаний частенько
про себя:
Молча, наружуливо, отбивая размеренный неподходящий ритм
чечёткой,
По рукам-слишком-легких-побед – стигая мнимосовестью-
плёткой,
Заливая лужами-мнений-чуждых собственные моря.

Если подумать – каждый торчит многократно в коридоре, не смея
пройти по полу чистому,
А в конце коридора, как известно, льётся искренний-
стоцентный свет,
Но решиться на что-то резкое-от плеча мешают споры голосов
пришитых, деля на вечные «да» и «нет»,
Оставаясь парковкой временной, переходящей в режим-
автопилота мечтаний-сахарной ваты-аморфно-мысленно.

Если подумать – каждый внизу пялится, озираясь по сторонам,
пытаясь поймать своё,
В двух шагах колесо обозрения предоставляет увидеть наиболее
полно-ясную мира картину,
Остаётся лишь только потерять лампу, верить, делать и встречать
с распростертыми исполнителя-Джина,
Который отбросит перепитии-санкции-напрасноналоженные-
тряпьё.

Если подумать... Почувствовать... Задышать жизнью, то станет
совсем просто прыгнуть в последний вагон,
Оставляя чемоданы-штампы-тянущего навсегда на перроне-
прошлого.
Если внутрь смотреть своими глазами-души, то можно нащупать
потрясающе-невозможное,
Разорвать одежд-правила, принципов-ключья-газет-однодневок
и построить головокругительный моветон.

«Вечер по-детски обиделся: в сон бросился без пожеланий тёплых и сладких...»

Вечер по-детски обиделся: в сон бросился без пожеланий тёплых
и сладких,
Скорчил рожицу и без задних ног устало свернулся клубочком
в кроватке.

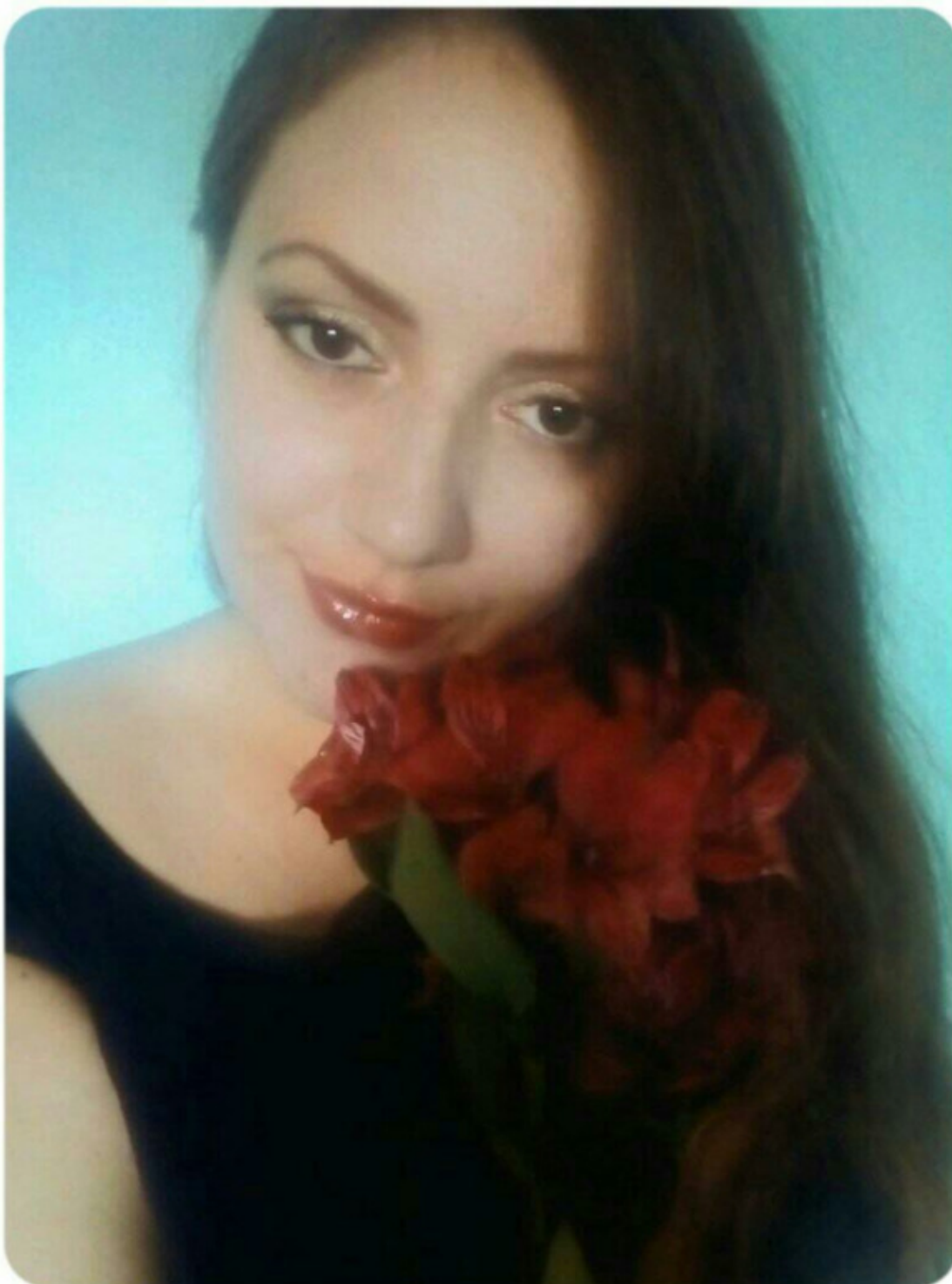
А мне – обнимать тебя хочется больше всего земного и больше
всего наивысшего.

Мысли сгрудились. И толкаясь, каждая образ любимый лелеет,
в сердце печатью отмеченный.
Кажется, что одна секунда рядом неприметно для всех растянется
вечностью.

А мне – внезапно продрогшей – греться фразами – через все
обстоятельства.

Утро ещё в поезде-завтра, в вагоне плацкартном наблюдает
за миром-творящем ночью без головы, распуская любовь.
Проводник-ночь с облегчением выдохнет, сядет подле,
не предложив постоянному пассажиру чай-из-дурмана-травы-
снов.

А мне – одеяло мягкое, нами изнеженное, с тобой поделить, ловя
сердцебиений общий ритм.

«В полчетвертого...»

В полчетвертого...

Облизала ночь предрассветным эхом силуэты наши кофеино-
неспящие.

Лавочка. Двое. Разговоры стреляют друг в друга, творя самое
настоящее НАСТОЯЩЕЕ.

Свет в домах давно устал и погас на самых первых аккордах-тем
о Маяковском-Бродском-Блоке-Есенине,

Мы укрылись от мира гармониями собственноручно-творящими,
музами и ветрами-новорожденными-осенними.

В полчетвертого...

Вдруг. Внезапно. В глазах друг друга выросли. Не поместились,
роняя плоды-любви на колени,

Уповая. В одну сторону говоря, переживая. Хватая от жизни
проценты за общее будущее-пени.

Сквозь толпу-мыслящих по шаблону – мыслить своими чувствами
и инако,

Отфильтровывая алкогольный привкус со всех углов
стремительно-маятникового брака.

В полчетвертого...

Что остаётся? Любить! Парить над головами собственными!
спуститься ко дну, чтобы легко оттолкнуться ввысь!

Потрепать за плечи-бархата, говоря полупшепотом звёзд: «Родная,
проснись!»

Это мир-для влюблённых постелит осенью мягко-ковровый
желто – горячий плед.

В полчетвертого перевернёт. опрокинет, заставит принять
на гордость-лживую навсегдашний обет.

В полчетвертого...

«И хорошо, что сентябрь-врагом-разозлился. Небо когтями зверя облачного на полосы...»

И хорошо, что сентябрь-врагом-разозлился. Небо когтями зверя
облачного на полосы.

Чтобы теплее мне-ещё летней было – я распушу по плечам-
несмелым волосы,

И мысли отправлю – от меня до тебя.

И обратно.

Невероятно.

Но сердце скрипит-иногда мимо нот-только твоим голосом-по ту
сторону.

Что бы не произошло. Странное. Дикое. Мимо сквозящее. Мы
с тобой – поровну

Делим кусочки-событий, искренне комментируя

И смакуя.

Соединяет души – каждосекундное Аллилуйя.

Ночь осенняя полуслепа-полумолчалива, душит природу
внезапной прохладой.

А я тут. Наблюдаю. Ищу в этом бесконечно-прекрасном потоке
наши искрометные взгляды.

И тяну-тяну за хвост минутный времябегающих нас,

Чтобы почувствовать через стены-разгромленных километров
общее, наивысше-ценное

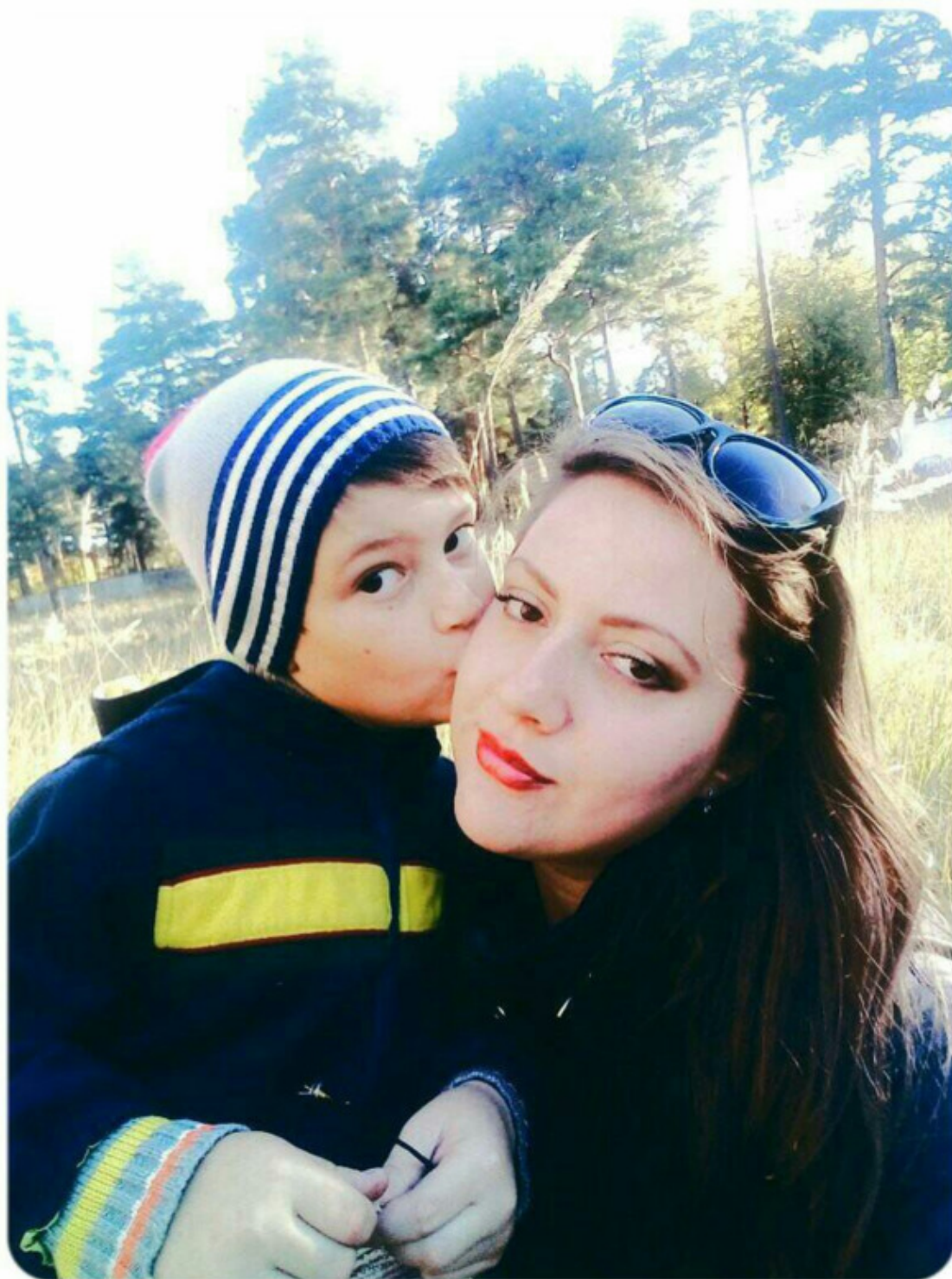
Здесь и Сейчас.

«Рассмотри это, пожалуй, как разнообразия-командировку-вне...»

Рассмотри это, пожалуй, как разнообразия-командировку-вне:
Временно,
Но наслаждаясь этим более,
Чем постоянно. Впредь.
Рассмотри это, пожалуй, как остановку-для себя в безумно-
безграничной кутерьме:
Выдохни,
Шагай по картам-интуиции,
Зажигай, если в конце концов от обстоятельств-троп
Не получается гореть.

Рассмотри это, пожалуй, как игру,
В которой правила просты, но их придумал кто-то и забыл:
Новые! Строчи! Перепиши!
От руки! На чистовик, не взирая на помарки-перечеркнутости.
И попробуй не ходить кругами возле
Рухнувших, осыпанных цветами-прошлого могил.
Камни-сердца-недоговорённости – договори! Если не услышали-
С миром и добром – прости!

Рассмотри! Вникай! Ни в коем случае Не исправляй в чужом глазу
и действий-щепки!
Это их! Чемодан идущего с тобою рядом – неподъёмен,
Хоть и кажется со стороны – попутным ветром.
Не смотри по обе стороны творящих лиц – только внутрь себя,
Ни к чему налево и направо
Раздавать советов-тривиальных-оголтелые отметки.
Рассмотри это, пожалуй, как прогулку в тёмном и заросшем парке
с фонарем,
Одним-единственным, тянущим к свету.

«Если летишь с горы – в пропасть-яму- жизни, подожди – не дави на тормоз...»

Если летишь с горы – в пропасть-яму-жизни, подожди – не дави
на тормоз,
Наслаждайся полётом, крепко вцепившись в штурвал-корабля-
тебя
Ведь, возможно, там-внизу-ждёт желаний-собственноручный-
космос,
Ведь, возможно, там-расцветающий май в середине ошалелого
октября.

Не пускайся в адский паники-пляс, по инерции глупо кружась
тревогами,
Не всегда тропинка для сердца пряма, усыпана гравием
и покошена.
Ведь для счастья придуманы повороты, туманы, линии судеб,
усыпанные дорогами
И весенние люди зимой, на первый взгляд как будто непрощенные.

Падаешь? Красота! Кругом свобода и своеволие! Для тебя этот
вихрь разноцветом закружен:
Кто из ямы вытащил сам себя – впредь только в гору карабкается
упрямо,
Не взирая на смех-тоски и ошмётки грязи-зависти
от полувывсохших луж,
Тот теперь в главной роли головокружительного кино, идущего без
рекламы.

«А я вижу намного больше, чем мне показывают...»

А я вижу намного больше, чем мне показывают.
Делю реальность на мелочи-важные. Самые главные фразы
Неба-ветра-деревьев-шума поставлю в себя печатью,
Ловлю ритм-мира этого, не ограничат мой сон кроватью.

Я здесь и везде. Одновременно. Ногами пол упираю, но летаю без
контроля-ума.
Заволокло. Задело. Теперь не могу иначе. Чаша-любви-
вдохновения доверху мной полна.
Потоков-голоса-бесконечно. Сажу, бегу, брожу и перевариваю,
Пишу для себя пером-из синей птицы, опровергая банальность
сотнями рук-сделанного сценария.

А я вижу намного больше. Поверх крыш. Сквозь тела-бродячих-
фонарных улиц-скошенных.
Я вижу через. Когда хорошо. И когда слишком. Бывает и чересчур
плоше.
Глаза расскажут. А если мечутся из стороны в сторону,
не пресекая совестью,
Я отойду. Оторву от себя что-то пригожее. Отдам главу-доброты
для финала их малоприятной повести.

Кофе и зрелищ

Шёл я по улицам-любопытным,
Которым ревел в душу.
Молча-сгорбленно-полушутя как будто и спотыкаясь,
Нет. Не пьяный. А просто-наверно себедочертаненужный.
Нет. Не голодоморный, не сытый. При этом идущий по краю.

Шёл заметно. Дышал вполкрика. Волок за собой мысли-гранитные,
Переворачивал дни доипосле, картину мазками-пальцами красил.
Да. Для брошенных фраз-костей твоих не найдутся больше орбиты.
Да. Для страсти-любви-моей не найдётся больше изысканных масел.

Шёл мимо лиц-парами-вытанцовывающих свой мир-добезумства,
Полька, вальс, канкан, этюд или танго... Всё зависело лишь от обстоятельств,
Мне до музыки остался шаг и непостижимая сила искусства
Завуалирует черными нитями-обещаний волну камне-предательств.

Шёл. И вижу: кафешка сияет. А в кафешке люди-приглядные.
Думаю, дай зайду. Щёлкну пальцами. И вуаля. Появится до моих желаний знаток.
Решено. Захожу. Все такие субботне-нарядные,
Аж пересохло во рту. Ну а в груди чайник-тревог переполнился, вылив за шиворот кипятков.

Вот он. Блестящий – выглаженный. Смотрит усталым взглядом улыбкаотронутого официанта.
«Что вам? Изволите? Сударь?» Ну и комедия, словно я где-то совсем не в себе.
Что мне? Давайте вина – пару хлёстких фраз Зигмунда Фрейда.
А на закуску – милого Канта,
Так мне приспичило. Но данный ответ нашёл своё место в полке-темно-выношенной тишине.

И, окинув взглядом балы-девятибалльные, фуршеты.
Звонко ругаясь матом, опять же, пардон, про себя-оставив туман-морфий.
Я, ну практически-самую малость, ощутил себя центром этой жалкой-выкидышной планеты
И пробасил: «Мне, дорогой, принести самых невероятно-адских зрелищ. И, может быть, кофе».

Ждать приходилось тяжко. Всех провожать глазами полуслепого-
полубезумного волка,
Стричь кончики-воспоминаний. На полнолуние. Боже, какая
удача! Чуть не вырвало. Не исковеркало.
Вот! Наконец! Официант тащит кофе в позолоченной чашечке.
Очень долго.
Ну, а вместо зрелищ. А вместо невыносимых зрелищ. Вместо них
он тащит зеркало.

«А давай помолчим. Хотя бы денёчка три. А может неделю всю...»

А давай помолчим. Хотя бы денёчка три. А может неделю всю.
Посмотрим, как выдержим мы, стараясь
не выкрикнуть в пустоту
Полуглухое, полурастрепленное «люблю»!

А давай помолчим. Ведь в тишине – так отчётливо слышно самих себя,
Ломая надуманности-тумана-напыщенного
И скользкого-прикосновения-безобязательств сладкого ноября.

А давай помолчим. Хотелось бы рвать горизонт где-то возле моря,
Мечтать, бродить пятками по песку-прошлого,
Втапывать, втапывать, втапывать
До состояния исхудалого нерва и
Оглушительно-невозможного.

А давай помолчим. Хотя мне безумно и без ума хочется только тебя слушать,
И говорить-говорить-говорить,
Пряча в смех-рассказы-красОты слов эту безумства-нить,
расстояние городов и поделённую напополам
Душу.

«Птиц не слышно уже почти, клювы да чемоданы сложили на юг. Юг. Юг...»

Птиц не слышно уже почти, клювы да чемоданы сложили
на юг. Юг. Юг.

Ну а ты. Сложился в чемодан-осенних-надежд. Друг. Друг. Друг.

Лес полудремлет. Готов отдаться в лапы-скорбящего октября. Зря.
Зря. Зря.

Ну а мне. Ну а мне не хватает. Родного плеча. И тебя. Тебя. Тебя.

Пересплю со сложенным на потом фиолетовым летом. И не скажу
об этом. Этом. Этом.

Перемолю. Перерисую свою собственную зарю. Светом. Светом.
Светом.

Птицы замерли. Лес притих. Лето в засаде. В аде. В аде. В аде
Бродит мой полусломанный стих. Не подчиняюсь правде. Правде.
Правде.

«Когда вся жизнь у тебя в контексте...»

Когда вся жизнь у тебя в контексте,
Когда рамки для мнения-фото-поступков ограничены-
обезличены,
И потеряли вес на рынке-эмоций чувств-душевных
величественные чины,
А каждый день – словно зарплата чёрная, рукою судьбы
протянутая в конверте.

Когда отказался от неба, довольствуясь вроде бы твёрдой
походкой,
Когда вместо гор цветуще-заснеженных – маленький огородик,
тонуший в болоте,
И что-то счастливое мимолетно находишь в очередном-вольно-
свободном смешке-идиоте...
Безумно-крутись-топчаь на месте одном в дырявой резиновой
лодке.

Когда между делом ловишь легкий-по крошкам-кислородным
воздух,
Ночные секунды пробуешь-цедишь, словно неземное лакомство-
блюдо,
Тогда в тебе все звёзды-глазастые хором-божественным
ангельски-нежно поют,
Тогда-тогда... Но тогда уже слишком бывает поздно.

«Меня пишут стихи. Строчка за строчку. Рифма за рифму. Мстят...»

Меня пишут стихи. Строчка за строчку. Рифма за рифму. Мстят.
Мне бы глазами-Софии-мудрой
Оглянуться в себя-назад.
Да Богиня-покровительница всех искусств метрономом-вдох.
И коктейль-острот-этих-тонких смыслов резковат, но не так уж
плох.

Меня пишут стихи. Я перо-разноцветного-настоящего им
вручила,
И поэтому бьется-рвётся от каждого-вдохновителя трепетом
жила.
Где угодно – забитое людом такси. Или тихий-до грома лес,
Я поймаю. Поймают меня стихи, отправляя в страну чудес.

Меня пишут стихи, наплевав на гнёт от чужих-перекрученных
глаз.
Чуждо им прерывать ослепительно-кардиограммный души-
рассказ.
Меня пишут. А я всегда. С новой строки. Свежий лист.
Меня пишут стихи. Не дают укатиться кубарем-камнем вниз.

«Девочка, милая! У тебя на руках два билета в жизнь...»

Девочка, милая! У тебя на руках два билета в жизнь.
Кружится в танце-слов хрупко-сшитое полотно надежды-вечера,
Буйных молний-снов ошарашит. Ни капельки человеческого
Не оставит тебе-душе. Ну, а ты уж там – всеми канатами-нервами
крепко держись!

Девочка, милая! У тебя рядом в зале зрительном занято место,
Но никто не сидит на нем, хоть звонок уже дали третий – скоро
сцена завертится лицами.
А ты с клокотанием-сердца мелом-судеб-проворных рисуешь
околонесмыываемые границы,
И стараешься врать. Прямо вглубь. Прямо через препятствие
«честно».

Девочка, милая! А внутри – шкаф-вещей-фраз поделён в аккурат –
надвое,
И болтаются вешалки полупустыми-будущих дней-одежд,
А пока... Разрисуют радугу-настроение исключительно
цветом беж.
Только ты – для себя. Девочка. Только небо твоё – оглушительно-
звездопадное.

«Дайте, please, несвободным свободу!...»

Дайте, please, несвободным свободу!
Побегут в столовую-желаний, разинув рты,
Освободив заранее-впрок до грехов голодные животы,
И раскинув-распяв гордость – испражнять новый свет где угодно.

Дайте, please, полкило надежд на каждого-мёртвоорущего,
У него в карманах – залатанная тоска, да криков на целый город.
Пусть подключит к столбам-электроэнергии свой нервнотекущий провод
И воротит в себе мысль-гранит, рассыпая в золото-песка.

Дайте, please, борцу упрямому – тыщу воинов и преград на одного,
Ему скучно в доспехах сидеть в углу маленькой кухни 3*4.
Ох, как хочется излить свою кровь великую за весь мир и во всем мире,
А потом наслаждаясь снимать на фронтальную камеру
околоплодное-сети-кино.

Дайте, please, по вере каждому. Но только тому, кто истинно.
Кто не бежит за очередным стаканом вина-пошлости в дверь соседнюю,
Кто не туманит мозг юным-смелым-вылупившим только-только своё мнение.
Дайте по вере каждому, кто эту веру через чужие поверья выстоит.

«Стихи. Кофе. Ты. Зависимости у меня три...»

Стихи. Кофе. Ты. Зависимости у меня три.
Три крючка-кукловода, цепляющих изнутри нитками чувств.
Кот мурлычет. И его «тр-тр» муссом в сердце моё – густо,
Мысли-снов-прошедшей ночи кричат оглушительно: «Плиии!»

Тихо-нежно новый день принесет тревожный прах в ладонях,
Обожжет поцелуем солнца, поджарит с двух сторон душу
до румянца.
Знаешь, мне не нужно рифм-бардовых-от ран и стихотворного
глянца.
Нужен ты. Открытый. Искренний. Не запутанный в собственных
мнимых-паролях.

Три зависимости: ты, кофе, стихи.
Разбудите в любое время: я знаю, чего хочу! О чем думаю,
С головы на ноги. И обратно. Переверну. Выкину. Снова затолкаю
душу юную.
Если мы – не такие, как все. Это вовсе не значит, что мы плохи.

«Небо. Панцирем черепашьим падает мне на плечи лёгкие...»

Небо. Панцирем черепашьим падает мне на плечи лёгкие.
Воздух чуть осенним вдохом заполняет простор-лёгкие.
Лето не мёртвое вовсе – во мне ещё дышит-густым августом
жадным
Вперемешку с бисером-мыслей от посиделок с ночной прохладой.

Кто я? Со стороны смотрю – вроде все также привычно-не ново.
С головы до пят – узнаю. И каждое отсебятину чувствую слово.
Кто ты? Тоже всем сердцем знаю – рядом, близкий, сыпятся искры.
Перетекают мысли твои и мои в самый исток горной реки-чистой.

Здравствуй, Муза! Спасибо, милая. Мне без тебя – как без жизни
Вселенная,
Если двери открыты мои, то ты не стесняйся, иди первая.
Если в душе «закрыто» – смело клинок-рифм доставай из ножен,
Каждый шаг-стихов без тебя уныл, тосклив и невозможен.

А небо изменчиво. Ну и что. Сейчас оно звёзды выплюнуло –
горошины.
Все мы внутри добродетели. Все до скрежета дел-от руки хорошие.
Всем нам только хочется – верить в себя, в людей и в чудо-
блестящее.
И только поэтому нам остаётся волком выть на Луну-настоящее.

Другу – Верочке

Всё-таки кофе, Верочка —
Аромат ни с чем не сравнить,
Ну и пусть
Седая ночь безлика
Шепчет: «Вредно-вредно».
А в душе моей та же девочка
В косы ленты вплетает нить,
Хоть у этой девочки
Голос часто
Стальной и порывисто-медный.

Все-так кофе, Верочка!
После – гуща земная останется,
Ну а мне, Вер, вера —
На самое чистое
Предсказание.
На крылечко моё – весточка
От вдохновения-звуков тянется.
Напишу о себе,
Напишу о нем-обо всем
Заранее.

Все-таки кофе, Верочка!
Ты же знаешь – волна наших душ бессмертна,
Хоть и в зеркале,
Хоть и мысленно
Между границами стертыми.
Дуновение леса отметочка-
Ну конечно – слова твои с ветром
Вместе с самыми тёплыми
Очень родными объятиями
Распростертыми.

«Мы все замылены...»

Мы все замылены:

Глазом,

Телом,

Душой.

Не видим границ, но, в свою очередь, не нарушаем.

Мы знаем место, где находимся: между адом и раем.

Вроде выиграли,

Только

Какой ценой?

Мы все заштопаны:

Изнутри

Прочными

Прутьями из металла.

Ведём своё собственное заключённое сердце, казалось бы, к свету.

А свет – в тебе. Ослепительней лампы-души нету,

Ведь там – за шторами

Тебе-Вселенной покажется непростительно мало.

Мы все наиграны:

Недоиграны для себя,

Но переиграны

Для других.

Оркестр стих. Только медный бухтит геликон-совести.

Мы чтим этот четкий бесповоротно-упрямый сюжет повести,

Клеймя наивными

Всех, кто когда-то

Вспомнил своих.

Мы все лимоновыжаты,

Волочим головы,

Нехотя открывая

Рты для ответов,

При этом туманно-поняты нами вопросов суть и смысл,

Жевали-жевали, а потом положили кашей-конвейерной чуждую
мысль.

А мы и рады:

К чему переписывать

Столь знакомые

Указательные портреты?

«Одна соломинка держится цепко за другую...»

Одна соломинка держится цепко за другую
Несмело против ветра-судьбы шумит
Еле-еле.
А в сердце-каменном нынче празднуют новоселье,
Отбросив ежесекундные напоминания «тоскую».

Притворство. Ледяные наигранности. Театр.
Здесь всё в софитах-ослепляющих истин – алмазы,
И на потом, на как-нибудь-плеч переложены самые нежные фразы.
Сотрёт единство-невероятного притяжения гордость – экватор.

К чему всё это? Для чистой совести?
Бред!
Для социальных-высоковольтных мнений и поощрений?
Или для собственного коматозно-унылого состояния
от штормового предупреждения,
Которое автопилотом-набитых-до горла дней превращает в фарш-
тоскливых-котлет.

Одна соломинка ещё как-то держится за другую. Упрямо-
дышаще!
Напоминает. Точит когти о душу-сновахлынувшую любовью,
Осталось только посыпать ещё живые раны морской солью,
Попасть под ливень-слов, не кутаясь в безразличий плаще...

«Все-таки странно это: слушаешь песню любую, а она вдруг про тебя...»

Все-таки странно это: слушаешь песню любую, а она вдруг про тебя,
Тянешь слова, размазывая по сердцу-эмоций-прошлых
И отпечатки пальцев-рифм примеряешь – подходит!
Нотами-замираешь, мелодию исхудалую от прослушивания крутя,
Даже хочется крикнуть: «Люди! Как невыносимо пошло!
Понимать, что в нас одно и тоже вино бродит и бродит!»

А казалось, что разные – невероятно-особенные именно мы!
Это наша история хваткой железо-бетонной порвёт мир-полудрёма!
Это нашими чувствами зажигаются каждую ночь устало-сонные звёзды!
А в итоге: весна все равно наступает после общей равнодушно-холодной зимы,
И не только с родных спелых губ-августа ниспадает жаром истома,
И отнюдь – не одни мы-после разрыва-душ единых – плачем и мёрзнем.

А на самом деле ведь стало легче, честно-честно!
Осознать, что у каждого пачка копий-мятников в кармане,
И уж если другой выдержал, то и ты справишься, неотступно!
И если иной нашёл – оторвал-отплакал своё солнце-место,
Свою роль-тропинку к большой дороге на реальности-телеэкране,
Тогда и ты будь добр! Лови-хватай этот южный ветер попутный!

«У меня есть маленькая зарисовочка на тему Бога...»

У меня есть маленькая зарисовочка на тему Бога.
Пишу под утро, время 4:45, устало-полуневставши,
Завтрак какой-то
Обычный. Неприглядный вид
Из зеркала пялит зрачки,
Со стороны – все так банально и так убого,
Победа кажется недоступной. И раскрываю карты-
непроигравшие,
Плевав на знаки чьей-то мимоплывущей судьбы маячки.

Так вот. Зарисовка эта наружу вынырнула. Как всегда в любимое
моё время,
Окутав пылью тайн, гремя костями-загадок,
Я там размышляю о сущности полубезумного звездопада-суток.
И что выясняется? Перво-наперво наша жизнь – это вовсе, отнюдь
не бремя,
Совсем не череда хлыстов крепких и на колени-пьянящих
шоколадок,
А дело в том, что мы – сон Бога, скользящие где-то между, рвущие
на себя малюсенький промежуток.

Мы спим. Нам тоже Бог снится. А он вертится-крутится.
Откроет на миг глаза – ну а нам прилетает осознанности кусочек,
Благодаря которой мы и живём этим днём.
Затем Бог зевнёт, на бочок уляжется,
И вот расписаны роли устрицы,
И кукловодят-играют телами между собой вселенные, ставя
очередные многоточия,
Девизы их: «завтра», «как-нибудь», «может быть». Их мы
пластинкой поём.

«А что для души жизнь? Это один день ровно!...»

А что для души жизнь? Это один день ровно!
С утра глаза откроет разума, да выберет новый наряд-тело,
Сумбурно, мешкаясь, через голову, оголтело
Сгорит до ночи, развеет пепел, ну а потом в знакомое завтра снова.

Душа молода в любом из зеркал. Проверено.
Ей хочется песен-луны над твоими крышами,
Ей тесно в одежде-живой, ей надо бы шире и выше,
Ей мало-отчаянно мало отмерянного светливого времени.

А ты посмотри-посмотри в себя, отбрось эти линзы – общества.
Чувствуешь что-то? И впрямь клопочет-воет-изрыгает наружу,
Беснуется, выворачивает вне и за, ведь этому существу земное
вовсе не нужно,
Ей за пределы материй-минут-звёзд невероятно и страстно
хочется.

Другу

Хочешь, я приду к тебе, как друг к другу?
К черту эти стандарты и мнимые клише!
Женщина мужчине – может стать подругой,
Если тянется душа к другой душе.

Хочешь, забегу возле дома в кондитерскую?
Возьму охапку эндорфинного волшебства-шоколада?
Разместим тела в спальне родительской.
Помолчим о своём, если так будет надо.

Хочешь, вытрепим нервы соседу вредному?
Будем громко песни Васильева декламировать!
Пусть вокруг все называют это бредом,
Ни к чему других своим мнением насиловать.

Хочешь, дождь прогоним и включим личную Турцию?
Установим температуру на плюс тридцать пять.
И зажжем костёр, бросая в него жизни инструкцию.
Чтобы хоть как-то тупую и нервную боль унять.

Хочешь, ложись на меня и лей доверие,
Превращусь я в слух, растворяясь в словах твоих.
Мы отбросим в сторону всё, что связала материя.
Есть лишь только миг, объединивший нас двоих.

«Очередная порция рифм-шагающих из меня набатом про (как вы догадливы), именно – любовь!..»

Очередная порция рифм-шагающих из меня набатом про (как вы догадливы), именно – любовь!

Это штука такая многогранная и многоликая, что на неё всегда, уверена, найдутся внутри километры слов.

На личном примере, по, так сказать, эмпирическому знанию, скажу

Люди! Не летайте среди облаков навязчивых, по которым я голыми пятками-настоящего брожу-брожу.

Любовь – не швыряет из стороны в сторону. Не жаждет крови и слёз.

Любовь – не играет на сцене актёрами, забыв про прочность доверия. И всерьёз

Ей надо. А не пинать словами сладкими, футбола приманки под дых,

Любовь – безобидная гавань, соединившая честностью-верностью фраз и действий душевно-земных.

Рассыпалось. Растопталось. Осталось лишь растворить эти глупости в чашке утра-чая,

И быть открытой к миру. А он, в свою очередь, нежно-ласково позаботится! Знаю!

И пусть стихи заштопают-залатают пробоины в личном опыте-рваных-ночей, полуслепых глазами.

Начну! Дышу! Ловлю эту бесконечно-прекрасную жизнь со всеми её чудесами!

«Я сегодня смотрела на жизнь, а она реальная! Представляешь! Радость какая!..»

Я сегодня смотрела на жизнь, а она реальная! Представляешь!
Радость какая!

Вот до всего я могла дотронуться. Осязать. И не только мыслями!
Тепло людское, руки, глаза, слова живые перемешались во мне
реками чистыми.

И ещё поняла: полёт иллюзорный закончился. Я на земле отныне
стою-летаю.

И крепко ботинки вжались в самый простой-серо-привычный
асфальт. Хорошо!

Мужчины и женщины, улыбаясь, везут свои личные чудеса
в колясках.

А мне надоело, честно, «катиться мечтами по Спасской»,
Себя распылять, участвуя столько времени в непонятном
феерическом шоу.

Подруга. Кофе. Смех, который напротив слышу. Мир идеальный
в своих недостатках.

Запах свежей выпечки. Вывески разноцветно-кричащие.

Хаотично-плывущее «наяву» в упорядоченном беспорядке,
В самом сердце – я – наконец, познавшая настоящее.

Я смотрела сегодня на жизнь! А она реальнее всех воздушно-
перистых анфилад.

Мне настолько понравилось, что решила остаться. Немедля!
Точно!

И отныне – на пути моем-свежескошенном ни штормов, на берег
выбрасывающих, ни преград.

Только жизнь. Без иллюзий бархатно-розовых, пастью кровавой
вцепившихся прочно.

«А мне не хочется спать. Время три! Ну и что? Какая разница!..»

А мне не хочется спать. Время три! Ну и что? Какая разница!
Ведь моя душа ладонями черпает от тебя силу,
Возвращая в ответ – сладкий-крепкий сон, наполненный ромом-мечт,
И я словно сбежавшая от надоевшие-скучных уроков – твоя одноклассница,
Хохоча и влюбляясь сильнее-сильнее в каждую часть твоего мира,
И рисуя объятия, падая нежностью, укрываясь от внешнего – в царстве родных плеч.

А мне не хочется спать! И полет, поняла, это жизнь! Я лечу!
Мне достаточно знать, что ты есть. Что счастлив и улыбаешься-лучиком.
Если горе-рвёт, то давай пополам принесем ему нас в жертву-пяти минут,
А потом обратимся к смеху – самому лучшему в этой Вселенной врачу,
И не будем ждать подходящего для судьбы случая,
Ведь – сердца горящие – нетерпимы, упрямо чувствами жгут.

Я не сплю! Не сплю! Не сплю! Стучусь в твои сны,
Открывай, нам будет невероятно и восхитительно-хорошо,
Только взглядом коснуться – и смысл заиграет струнами.
У любви не стоит, ох, не стоит просить весны,
Она вовремя. У неё своё расписание. Наркотически-опьяняющий порошок.
И бродить она будет вином-забродившим между чашами лунными.

Я не сплю...

Marcus Denight

Беларусь – Витебск

Родился 26 января 1975 года в г. Витебске (Беларусь).

Закончил СШ №23. Потом училище искусств по специальности – художник-оформитель.

Летом между учебой ездил в стройотряды... Затем служба в армии.

Позже пришли стихи... Наверное, они всегда были внутри меня, просто однажды настал момент, когда они перестали умищаться внутри меня и потекли стройной рифмой наружу. О чём мои стихи? По большому счёту они все о любви – будь то любовь к матери, природе или женщине. Я искренне считаю, что без этого чувства невозможно написать ни одного хорошего стихотворения. Даже падающий осенний лист – это уже поэзия любви, нежности и грусти.

С юности мечтал писать электронную музыку. К электронной музыке, да впрочем, как и к любому творчеству, искусству, можно относиться по-разному. Люди – более консервативные – предпочитают живой оркестр, живой концерт, но... Электронная музыка – это мобильность, а в умелых руках (или ушах) превращается в огромный мир, где шепчут звёзды, поют волны и стонут ветра. Это шелест травы за вашими окнами под мягкими кошачьими лапами. Это миллионы звуков – от биения сердца до шума океана – переживающих трансформацию в ноты и обратно.

В 2011 году приобрел свой первый синтезатор и... Началась моя новая история...

Свои альбомы в стиле (эмбиент-электроник) под псевдонимами Marcus Denight и Derek Nigell издаю на сетевом лейбле USC (г. Москва)

Там же вышли два совместных альбома с замечательным музыкантом Александром Гириным (Randolf Scand, Astrovia)

Бессильем не унять тоску

Бессильем не унять тоску,
Усталость не затмит томленье —
Уносит Время бег мгновенья,
Срывая дни по лепестку.

И вслед увядшему цветку,
Несутся капли омовенья
И грядет цвета обновленья
На том, осеннем берегу

Где вскоре, в зимнюю пургу,
Прошепчет голос провиденья:
Бессильем не унять тоску,
Усталость не затмит томленья...

Мой храм

Мой отдалённый, светлый храм,
К твоим возвышенным устам
Склоняюсь грешною главой,
Взглянув на лик святейший твой.

Мой отдалённый, светлый храм,
К тем белокаменным чертам
Ввысь обратившись, унесут
Молитвы сладостных минут.

Но только грусть владеет мной
О, храм желанный и родной,
Мой незабвенный уголок,
В тебе – стихи пречистых строк.

Мой незабвенный уголок,
В тебе – стихов пречистый слог...

Нет ничего

Нет ничего прекраснее мечты —
Всегда такой несбыточно-высокой,
Встречаясь лишь с печалью одинокой,
Её края по-прежнему чисты.

Нет ничего мучительней тоски —
Она, как образ, посетит украдкой,
Черты её далёки и близки,
Ей суждено то долгой быть, то краткой.

Нет ничего печальней тишины —
Ничто вокруг не всколыхнется зыбко,
И словно слышатся вдали орган и скрипка,
А небеса беззвучно-холодны...

Мир Осени

Мир Осени – я снова вхож в твой край,
Возникший в ярком пламени багрянца,
Прими меня – усталого скитальца,
В закате дней звучи и нарастай.

Я ускользал от долгой тишины
К лоскутьям красок солнечного цвета,
Дождем беззвучным удалялось Лето
К истокам рек бездонной глубины.

Ведь так давно не посещали сны
И нет в судьбе заметных повторений,
Но множил путь чертог поры осенней,
И были дни листвой озарены...

Забытое

Забытое лишь вспомнится тогда,
Когда иссякнет прожитая юность,
Чтобы в слезах так памятно вернулась
Моя давно угасшая звезда

Но я раздую слабый огонёк,
Душа тоске не сразу покорится —
И нестерпимо быстро заструится
Воспоминаний светлый ручеёк...

Тот, кто любил

Тот, кто любил, но не был сам любим
И тот, кто чувства был вполне достоин,
Не знал, что мир из грусти соткан – скроен,
А чувства ход так труднообратим.

Тот, кто желал – желанным сам не был,
Страдая от бесчувственного хлада,
Ему – тоска безгрешная отрада
Среди в ночи пылающих светил.

Тот, кто отчаясь все же был стремим,
А милый образ таял, удалялся,
Но звал его и ждал, не отрекался
Тот, кто любил, но не был сам любим...

Средь синевы

Среди бескрайней синевы
Оставлен миг ушедший детства,
Из первой жизненной главы,
Как чудодейственное средство

Он убаюкивал меня,
Спасая в юности час ранний,
От всех невзгод, переживаний
В своем безмолвии храня.

Среди бескрайней синевы,
Словно овеян милой тайной,
В вечернем шорохе листвы
Остался взгляд души печальной...

Стиль небесного пера Сонет

Оставлен стиль небесного пера,
Поранив остротой прозрачных граней,
Не суждено умолкнуть до утра
Многоголосой цельности преданий.

Встречая сердцем звонкие дожди,
Подставив грудь под струи озаренья,
Наступит светлой истины прозренья,
И капель стук умолкнет позади.

Из глубины веков, взметнувшись ввысь,
Неисчислимой силой вознеслись,
В полёт бесстрашный крылья совершенства.

Их оперенье – радужная нить,
Размах широк – никак не охватить
Всей высоты невиданной блаженство...

Средь лоскутков Весны

Средь лоскутков Весны плывущей дымки
И вереницы птиц над мглой полей,
Во тьме возникшей лунной половинки,
Есть добродетель временных корней.

И в ней – предел всех действий и желаний,
Сурового мазка полутона,
Фрагмент кроваво – красного пятна
И светотень забывчивости ранней.

Зимы обуздан страждущий порыв,
Тепла решётку тонкую открыв,
Настала солнца дивная пора.

Полились трели памятного дня,
К себе гурьбой волнующей маня —
Оставлен стиль небесного пера...

И не придут слова...

И не придут слова – их вдруг развеет ветер,
В снежинки превратясь, рассыплется во мгле.
Но росчерком своим, блестящим на рассвете,
В душе оставят след о прожитом тепле...

Медведица с небес рассыплет ковшик снега
В объятия продрогшей, сумрачной Земли.
В пришедший Новый Год уже былого Века
Воспоминаний радость звёзды принесли...

Но не пришли слова – их уж развеял ветер,
Застыли льдинками, рассыпались во мгле.
Как мысли не собрать, увы, и не согреть их,
В Созвездии узоров зимних на стекле...

Моя печаль с Землёй разлучена Сонет

Моя печаль с Землёй разлучена,
Парит с листвою над Осенью багряной
День солнечный сменяет День туманный,
А Ночь беззвучной памятью полна.

На остриях капли дождевой,
В прохладной зыби пестроты осенней,
Вся чередой изменчивых мгновений
Творит Сонет, навеянный Судьбой.

Слова бесшумно ниспадают ниц —
На белизну распахнутых страниц,
Сухих ветвей коснулся первый иней.

Черновики разглажена тетрадь,
И вновь Зима, а с нею благодать
И тонченность белых снежных линий...

Был зимний день...

Был зимний день. В своей среде
То осыпал столь частым снегом,
Прохлады ветреным набегом
Шумливо царствовал везде.

То открывался солнца взор,
Меж облаков вдруг разведенных,
Словно стихий двух разделенных,
Шел незаметный разговор.

Но был и образ. Меж снегов
Он только дважды показался,
Надолго в памяти остался
Фигуркой из вчерашних снов.

И брезжил легким силуэтом
В черте вечерней и дневной
И стал заветною мечтой,
Моим неведомым расцветом...

Был зимний день. В своей среде
То осыпал столь частым снегом,
Прохлады ветреным набегом
Шумливо царствовал везде...

Зимний Сонм Воспоминаний

Бутон Зимы – пушистые снега,
Гонимой дымки легкой оперенье,
Как ощутимо каждое движенье,
Как белоснежны дали берега!

Лазурь небес – обитель чистоты,
Средь синевы столь часты просветленья,
К ним устремляю взор без сожаленья —
И застывают зыбкие черты.

Мой давний образ – чаще посещай
Тот неразгаданный и одинокий край
Моей печали броской воздыханной.

Лишь отниму у прожитых времен
Воспоминаний долгий зимний Сонм,
Порыв прохлады яркой и неожиданной...

«Порыв прохлады яркой и неожиданной...»

Порыв прохлады яркой и неожиданной
Унес весь мир осенний без следа,
Соткав узор бескрайний изо льда,
Склонился над моей душевной раной.

Я, как и раньше – жажду глубины,
Она – мой смысл, родник мечты высокой,
И день вокруг подернут поволокой
А из снежинок нити сплетены.

Ах, зимний край, в безмолвии ветвей,
Благослови мой образ среди полей,
Всегда живой, влекущий и желанный.

На нем небес иссиних благодать,
Он разум вновь способен взволновать,
Как вдохновенье мыслью осиянной...

«Как вдохновенье мыслью осиянной...»

Как вдохновенье мыслью осиянной
Рождает строки трепетных стихов,
Так множит снега утренний покров
Сама Зима пургою неустанной.

Как хладна мудрость, лик ее суров.
В нем – отголоски бури безответной,
Взгляд застилая зыбью неприметной,
Звенит внутри беззвучьем голосов.

С собой приносит сумрачный закат
Воспоминаний яркий аромат,
Судьба их мимолетна, коротка.

Уймись томленье и меня покинь,
Ведь где-то там, где меркнет неба синь,
Прекрасны убеленные луга.

«Прекрасны убеленные луга...»

Прекрасны убеленные луга,
Средь синевы застенчивой и чистой,
Простерт мой путь, столь долгий и тернистый
Туда, где блекнут в дымке облака.

За ними – Даль, несущая покой
И одинокой Истины мгновенье,
Предел мечтаний, таинство забвенья
И незабвенный уголок земной

Помогут вспомнить и душой объять
Прошедших лет утраченную прядь,
Распутав нить небесных веретен.

Не обессудь – ведь нет судьбы иной,
А за морозной, хмурой сединой
Так светел День и одухотворен...

«Так светел День и одухотворен...»

Так светел День и одухотворен
И, пребывая в дивном отрешенье,
В душе оставил свет преображенья
Воспоминаний долгий дивный Сонм.

Средь синевы, в поблекшей белизне,
Забрезжит полный капель вдохновенья,
Лик озорства, несущий обновленье,
Лицо Весны в распахнутом окне.

И возродится звонкая вода
В дыхании растопленного льда,
В биенье красоты непостижимой.

Цветная Даль – заполни, поспеши
Опустошенный краешек души,
Теплом коснувшись юности ранимой...

Вдохнув снежинок аромат...

Вдохнув снежинок аромат,
В обители Зимы морозной —
Как безмятежен станет взгляд,
Глаза укроет дымкой слёзной
На миг отринутых преград...

В объятьях вьюги, улетят
Песчинок снежных мириады,
Миг сей волнующей отрады,
Прохладной, ветреной услады
Седые звезды возвестят...

И в стройных рифм лучистый ряд,
Немые мысли тонкой строчкой,
С неодолимым многоточьем
Овладевая днем и ночью,
Преобразиться поспешат...

Мир белым серебром объят,
Вдохнув снежинок аромат...

Пора Заката

Пора Заката – ясности черта,
Той необъятной трепетности фона,
Лучей проникновенных прямота
С Небес благоуханного бутона.

Войны стихий сурова простота
Ветрами причиненного урона.
Как посреди седого небосклона
Бесцветна силуэта пустота!

И начат путь, и сожжены мосты,
А краски дали яркие и чисты,
Но на палитре, среди оттенков плавных

Не отыскать волнующий ответ:
Как суть объять среди минувших лет —
Сокрыто все Судьбою своенравной...

Гимн Четырём Ветрам

Северный Ветер плывёт над простором земным,
Он неприметен, словно невидимый дым,
И не подвластен ни солнцу, ни дальним морям,
Матери Розы скрижаль – его призрачный храм...

Вслед Ветер Южный парит над вершинами гор,
Сквозь облаков бесконечный белесый узор,
Ночью на звёзды он дышит далёким теплом
Розы Ветров перекрестье – его давний дом...

Западный Ветер – странник безбрежных полей.
Шумно колеблет смятение трав и ветвей,
И, устремясь в безмятежность сиреневых скал,
В давней обители Розы приют свой снискал...

Ветер Восточный приносит дыхание дюн,
Видел он множество солнц, убывающих лун —
Нежно кольша размытую, зыбкую даль,
Вновь возвращается к братьям в родную скрижаль...

Солнца безмерно прекрасный очерченный нимб —
Я воспеваю Ветров Четырёх светлый Гимн...

Трехстишья вольной высоты

Даль навевала размышленье —
Под светлой легкостью пера
Неслась надежда стройных линий.
Как мимолетно настроенье,
Когда душа твоя мудра
Своей бездонностью иссиней.
Печаль ведь унесет закат —
Туда, где дремлет в отчужденье,
Небес покорное дитя.
Сильнее, ярче во сто крат,
Расцвет его перворожденья,
Оно, наутро восходя,
Вдаль навеваает размышленье:
О высоте и возвышеньи,
О нисхождении, паденьи,
О пустоте и глубине,
И наяву, и в полусне...

«И наяву, и в полусне...»

И наяву, и в полусне
Подобно тени, отраженью
Все брезжил давний силуэт.
В полураспахнутом окне
Терял прохладные мгновенья
Всепроникающий рассвет.
В себе невольно замыкался
За мнимой сбыточностью снов
Мой край, лелеящий мечту.
Я ускользал и забывался,
Но путь был труден и суров
И нес беззвучий пустоту
Волной живого проясненья
Звал день былое наважденье,
И словно жаждал отчужденья,
Изведав отголоски рая,
Внезапно память оживляя...

«Внезапно память оживляя...»

Внезапно память оживляя,
На предрассветных берегах
В виденье грез мечта сбывалась.
В себе невольно подавляя
Боязнь потерянности, страх,
Я ощущал тоску, усталость.
Не в силах мыслить и творить,
Не в силах передать стремление,
Казалась грусть столь быстройтечной.
Но так хотелось возвратить,
Не потревожив наважденье,
Истоки юности беспечной.
Одежды времени срывая
И тень событий отдаляя,
Теснились чувства, свет вбирая,
С небес спускалось откровенье
И проступало озаренье...

«И проступало озаренье...»

И проступало озаренье
Узором дымчатым, живым,
Недосягаемостью плавной.
И возносилось просветленье
Слепя свечением своим
И синевою своенравной.
Распутав паутину звезд,
Черты забвения менялись
До бирюзовой остроты.
А день все ширился и рос,
И в броской тишине рождались
Трехстишья вольной высоты.
Был каждый взмах, как Божья милость
И мысль строкою становилась,
Рассеяв прежнюю унылость,
В размытой, зыбкой белизне
Напоминая о Весне...

«Напоминая о Весне...»

Напоминая о Весне,
Как счастье помыслы чисты,
Заполнив душу теплотой.
И строки благостны вдвойне,
И без пустынной пустоты
Мир отчужденности иной.
Средь колыхания ветвей
Незримым почерком своим
Приносит ветер размышленье.
Безвестье отлетевших дней,
Воспоминаний блеклый дым,
И маета, и нетерпенье
Столь часты, непреодолимы,
Непроницаемы и мнимы,
Вглубь удаляются незримо —
Лишь мысль безумствует, пылая,
Надежду в сердце поселяя...

«Надежду в сердце поселяя...»

Надежду в сердце поселяя,
Минуя потаенный страх,
Теплилась радость в подсознание.
Превознося и ободряя,
И в недосказанных словах
Лелея смысл мироздания.
И вновь, в объятии времен,
Свой мир оставив за плечами,
Я брел, ведомый наваждением.
Но был порыв неразделен
И за знакомыми чертами
Ни остроты, ни отрешенья —
Лишь проблеск грусти безответной,
Да тень усталости бесцветной
Темнеют силою несметной
В небес пустующей прохладе,
И на заре, и на закате...

«И на заре, и на закате...»

И на заре, и на закате
Контрастны времени цвета
Палитры самой утонченной.
Тепло отринутых объятий,
Забвенья зыбкая черта
И взгляд, терзаньем утомленный:
Во всем – нетронутый секрет
И неразгаданная нежность,
И нерассказанная суть.
Внезапный истины момент
Всех мыслей сушая безбрежность
И боль, пронзающая грудь.
Вновь движим тягостной истомой
Порыв влюбленности знакомый
Туда, где тайною ведомый,
Заполонив небесный свод,
Пылал беззвучно горизонт...

«Пылал беззвучно горизонт...»

Пылал беззвучно горизонт
Над миром плавно растворяя
Тона живого волшебства.
Был цвет подвижен, распростерт
И, краски неба оттеняя,
Торжествовала синева.
Я видел, но не узнавал
Все, что отвергнувшись, не сбылось,
Теряя смысл и остроту:
Мой нежный, хрупкий идеал,
Мою недавнюю унылость,
Печали свежую черту.
Средь чувств, повергнутых в смятенье,
Тоска подобна отрешенью,
Неодолимому забвенью.
Лишь образ нес напоминанье
И лицезрел небес дыханье...

«И лицезрел небес дыханье...»

И лицезрел небес дыханье
Край зеленеющей листвы,
Вбирая аромат весенний.
Средь дней, ведомых на закланье,
Ветвей причудливой молвы
И незнакомых впечатлений —
Как пустотой отдалена,
Нещадным временем гонима
Пора любви проникновенной.
В мгновенье прерванного сна
Прозрачна и неуловима
Черта усталости смиренной.
С небес неистово шагнув,
Дверь в лето шумно распахнув,
Нес свет соцветий новизну,
Свой броский край покинув ради
Неповторимых восприятий...

«Неповторимых восприятий...»

Неповторимых восприятий
И недописанных стихов
Полна доверчивая память.
И словно чистый лист тетради,
Лишенный тени броских слов,
Которых позже не исправить
Непроницаемая даль —
Она былое утешенье,
Успокоенье всех волнений.
Надейся, верь и ожидай,
Сомкни души прекрасной звенья
Над многим множеством творений.
За тьмой непройденных дорог,
За тенью незнакомых строк
Познаний страждущий исток,
Свет новых дней и новых звезд,
Недосягаемых высот...

«Недосягаемых высот...»

Недосягаемых высот
Вновь посетившее виденье
Обуревало с новой силой.
Лишенный прожитых невзгод,
Как птица части оперенья
Я мерно множил путь бескрылый.
И осязало утро день,
Соприкасаясь переливом
Всегда улыбчивой росы,
Скользила плавно светотень,
Подчеркнуто неторопливо
Мгновений таяли часы.
И отзвеневшая заря,
Капелью мир посеребря,
Плыла, судьбу боготворя.
Её хмельного дарованья
Была полна стезя познания...

Весны улыбчивой капель...

Весны улыбчивой капель
И светоч новизны безгрешной
Приносят радость Силы Вешней
Под шум нахлынувших недель.

И сменит Март чудной Апрель,
Повеяв свежестью нездешней.
И даль уже не будет прежней,
И Чувств весеннюю метель

Навевает май. И вновь душа,
Подобно стае птиц, взметнётся
И в небе клином улыбнётся,
Нахлынет вечер неспеша.

И воспарит Весны рука,
Разгладив лет былых борозды,
Туда, где ветреные звёзды
Целуют в небе облака...

Весны улыбчивой капель
И светоч новизны безгрешной
Приносят радость Силы Вешней
Под шум нахлынувших недель...

Елена Мельниченко

Россия – Полярный

Меня зовут Мельниченко Елена. Биография моя скучна до безобразия. Родилась 6 апреля в Ростове-на-Дону, а жила в городе Полярный Мурманской области до шестнадцати лет. Затем моя семья переехала в подмосковный город Королёв. Там я провела восемь лет жизни. Но так и не смогла привыкнуть к городу, а потому вернулась в родной Полярный, где

живу до сих пор. Высшего образования в силу некоторых семейных обстоятельств получить не смогла, но за плечами четыре с половиной года учёбы по профилю специальный детский психолог. На данный момент я домохозяйка. И всё свободное время посвящаю хобби – писательству.

Ещё в начальных классах по дороге в школу или домой придумывала стишки и песенки, которые, естественно, тут же забывались. В старших классах написала пару наивных неудачных рассказов и стихов. На этом мой путь писательства на время завершился. К творчеству я вернулась спустя пятнадцать лет. Это были робкие наброски и миниатюры, которые впоследствии стали частью фэнтези повести.

Писателем себя не считаю, я, скорее, графоман. Хотя многие знакомые со мной не согласны. Пишу, в основном, фэнтези и современную короткую прозу. Вдохновляюсь всем, что вокруг меня. Мечтаю... Мечтаю писать, мечтаю, чтобы мои произведения нравились людям. Нет, мне не нужны толпы поклонников и слава. Я хочу просто творить то, что найдёт отклик в душах людей. Хочу нести частичку тепла и доброты в мир.

Что ещё я могу рассказать о себе? Романтичный циник. Равнодушный эмпат. Ленивый трудоголик. Демон с крыльями ангела. Вот такая я – сотканная из противоречий, хрупкая, но стойкая девушка.

Душа

Сегодня выходной, поэтому позволяю себе подольше понежиться в постели. С удовольствием потягиваюсь, разминая мышцы, откидываю одеяло и выпрыгиваю из его плена. Бросаю беглый взгляд в зеркало и замираю: вместо заспанной и растрёпанной меня из его недр смотрит незнакомка. Оглядываюсь по сторонам: в комнате никого, кроме меня. Делаю шаг в сторону и возвращаюсь к зеркалу, но по-прежнему вижу её. Она улыбается мне, а я растерянно хлопаю глазами. Неужели раздвоение личности? Шизофрения подкралась незаметно? Нет, не думаю. Не наблюдала в памяти провалов, да и странного поведения тоже не было – муж бы заметил. Тогда почему из зеркала на меня смотрит незнакомка?

Она красивая. Моложе и стройнее меня. Лицо чистое, без единой родинки. Не то, что меня. Всё лицо ими изуродовано. По крайней мере, я так считаю. Волосы у незнакомки длинные, золотисто-русые. И я немного ей завидую, так как от длинных волос отказалась уже очень давно из-за обильной седины. Глаза... А глаза как у меня, трёхцветные, необычные. В какое-то мгновение я вижу себя в её чертах.

Девушка в зеркале дружелюбно улыбается и тянет ко мне руку. Ах! Что это? Это же не она, а я протягиваю руку к зеркалу, а незнакомка лишь повторяет моё движение. В голове мелькает догадка. Чтобы её проверить, начинаю крутиться перед зеркалом. Да, так и есть: девушка повторяет каждый мой жест, словно зеркало.

Но ведь она и есть зеркало. В посеребрённой плёнке отражается не незнакомка, а я. Такая, какой иногда представляю себя, какой ощущаю. Стройной, молодой, энергичной. Именно поэтому, каждый раз смотрясь в зеркало, чувствую лёгкое разочарование: не тот образ вижу. Но сегодня я увидела себя настоящую, истинную, внутреннюю меня. Я увидела свою душу. подмигнула отражению и послала воздушный поцелуй. Моя душа ответила мне тем же. Да, я именно такая: русоволосая девчушка в голубом летнем платье, во взгляде – капелька грустинки, немного мудрости и толика озорства. Ну и что, что выгляжу иначе? Зато ощущаю себя именно так. Спасибо, душа, что напомнила мне, какая я на самом деле.

День рождения

– Не хочу! Не хочу! Не хочу! – сказала Марина, с головой закутываясь в плед. – Не хочу, чтобы он наступал! Ненавижу день рождения!

– Тяжёлый день был?

– Нет, – плед закачался из стороны в сторону. – Тяжёлым он будет завтра. Все начнут звонить, сообщения писать в соцсетях, поздравлять, желать всякие банальности, типа здоровья и денег побольше. А я не хочу!

– Не хочешь, чтоб тебя поздравляли?!

– А какой в этом смысл? Поздравлять будут не потому, что хотят, а потому что надо. Не люблю этого. Даже мама с сестрой три раза в год звонят: на новый год, восьмое марта и день рождения. Поздравить же надо! Понимаешь? Надо! Звонят, не потому что хотят, а потому что «надо». И в соцсетях также. Незнакомые мне люди будут присылать поздравительные сообщения просто потому что так надо! Да и на работе сплошное лицемерие. Будут аплодировать, какую-нибудь ненужную фигню подарят, опять-таки, потому что надо! А на самом деле, всем плевать, я никому не интересна! Никто даже не знает, что я люблю и чего хотела бы в подарок!

– Похоже, ты переутомилась, поэтому всякую ерунду говоришь. Давай я тебе тёплого молока с мёдом сделаю. Выпьешь – и ложись спать. Как говорят, утро вечера мудренее. Вот увидишь, завтрашний день будет замечательным!

– Вот бы завтра стать невидимкой для всех. Чтоб все вокруг забыли обо мне и моём дне рождения, – вздохнула она, высовывая нос из-под пледа. – Хочу, чтоб меня завтра поздравили только те, кто действительно меня любит. А для остальных – невидимкой...

– Wake up call, caught you in the morning with another one in my bed... – заорал будильник песней группы «Maroon 5».

Она протянула руку, не открывая глаз нажала кнопку телефона, отключая будильник.

– Здравствуй, недоброе утро, – пробурчала она и поплелась на кухню.

Спешно выпив зелёного чаю с бутербродами, она натянула джинсы и свою любимую синюю водолазку, прыгнула в кроссовки и убежала догонять маршрутку.

– Опаздываешь, Лемина, – сердито сдвинул брови начальник.

– Простите, Пал Олегыч. Маршрутка в яме застряла, пришлось пешком идти. Больше не повторится.

– Ладно уж. Вот, – он сунул ей кипу бумаг, – это план на сегодня. Проверить, отредактировать, внести поправки и замечания. Вперёд, вперёд, Лемина. Работа сама работаться не будет.

Она тяжело вздохнула и направилась к своему рабочему месту.

В трудах и заботах прошёл рабочий день, но никто из сотрудников не поздравил её. Никто не подошёл к ней и не произнёс ни одного даже банального пожелания. Телефон тоже молчал: ни смс, ни звонков.

Вернувшись домой после тяжёлого трудового дня, Марина первым делом кинулась включать компьютер: вдруг в соцсетях кто-нибудь написал. Но и там была тишина. Друзья обсуждали политику, тающие сугробы и яркое солнце, чем лечить кашель у ребёнка и куда поехать отдыхать летом. Но никто не вспомнил про неё.

На часах было 22.48. Она забралась с ногами на кресло и укуталась в свой любимый плед.

– Как же так? Почему меня никто не поздравляет? Неужели все забыли про мой день рождения? А как же подарки, пожелания здоровья и богатства? – недоумевала Марина, отчаянно кусая губы. – А может, моё вчерашнее желание сбылось? Но тогда это означает, что...

Хлопнула входная дверь и из коридора донеслось:

– Мариша! Ты где, красавица моя?!

Она с головой нырнула под плед, пытаясь сдержать слёзы.

– Вот ты где! Опять решила спрятаться от всего мира, – улыбнулся он. – Давай вылезай. Я тебе подарок принёс.

– Подарок? – выглянула она из-под пледа.

– Весь день по городу мотался, искал. Аж на другом конце города нашёл. Потому и домой долго добирался. Вот, держи. С днём рождения, моя хорошая.

– С днём рождения? Так ты не забыл!

Вмиг разорванная обёртка полетела на пол, а по щекам Марины потекли слёзы радости.

– Это ведь... Я так давно об этом мечтала! Димка, ты самый лучший! – она бросилась его обнимать. – Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо, что не забыл про мой день рождения!

– Глупенькая, – он крепко обнял её в ответ. – Как я мог забыть? Я ведь люблю тебя.

– Как ты думаешь, она поняла этот урок? – спросил один ангел другого.

– Думаю, да. Но ты приглядывай за ней, на всякий случай. Человеку нельзя без любви. Без неё душа умирает.

– Больше никогда-никогда не буду желать стать невидимкой. Особенно в день рождения, – прошептала она, засыпая.

Письмо

Дима закрыл дверь на засов, устало скинул куртку и туфли.

– Мариша! Ты где?!

Он услышал сдавленные рыдания, и его усталость как рукой сняло. Он кинулся на звук и нашёл Марину сидящей на полу кухни.

– Ого! Что здесь случилось? Карлсон шалил?

Пол и кухонный стол были заляпаны мукой и какой-то клейкой белой массой, по-видимому тестом. Повсюду валялись миски, вилки и венчики. Марина, с головы до ног испачканная мукой, прижимала к себе плюшевого мишку, и рыдала.

– Что случилось, малыш? – спросил Дима, вынимая из волос Марины яичную скорлупу.

– Я блинчики испечь хотела, – всхлипывала Марина, – но у меня не получалось. Тогда я стала искать поваренную книгу. Ну, ту, что мне мама подарила год назад, помнишь? Но я её не нашла-а-а-а!

– Ты поэтому ревёшь?

– Нет! Вот поэтому...

Марина протянула мужу листочек в клетку. (Тетрадный) Лист был пожелтевший, чернила на нём немного выцвели, но текст, выведенный аккуратным детским почерком, виднелся отчётливо.

– Хочешь, чтобы я прочёл?

– Угу.

Дима аккуратно, стараясь не испачкаться, опустился на пол рядом с женой и принялся читать.

«Привет, Марина. Нам в школе задали написать письмо себе будущему. Я не знаю, что писать. Поэтому напишу немножечко обо всём.

Мне сейчас восемь лет. А сколько тебе? Наверное, ты уже такая старая, как моя мама, у тебя уже куча детей. Помнишь, как ты говорила: «Вот вырасту и куплю себе в магазине штуки три малявок»? Мама с папой всегда над этим смеялись.

Интересно, а какой у тебя будет муж? Наверное, такой же красивый и смелый, как папа! Помнишь, как он меня Малинкой называл, а сестру – Вишенкой? А помнишь, как он ушёл воевать с плохими дядями в Аф-га-ни-стан? Он так и не вернулся, и мы с мамой очень-очень долго плакали. Поэтому, если у тебя будет муж, ты его не отпускай никогда на войну. Я больше не хочу плакать. И не хочу, чтобы плакала ты. Но это ведь одно и то же, верно?

Интересно, а кем ты работаешь? Я очень хочу стать врачом и лечить детей. Или тем, кто изучает птиц. Я не помню, как называется эта профессия. Но ты – взрослая, Марина, наверное, всё знаешь и очень многое умеешь. Я обязательно буду тобой гордиться за это!

Помнишь, как мы с сестрой на великах катались с пригорка? Я тогда ещё упала и велосипед сломала. И коленку разбила. А сестра мне подорожник прикладывала. У меня даже шрам маленький остался. Ты всё ещё переживаешь из-за этого? Я очень переживаю. Постоянно расстраиваюсь, когда смотрю на этот шрам.

Моего Сдобряка помнишь? Это плюшевый мишка, если ты вдруг забыла. Я очень его люблю и засыпаю, только когда положу его рядом с собой. Мама ругается, а я всё равно только с ним засыпаю. С ним мне ничего не страшно. Не выбрасывай его, пожалуйста, когда вырастешь. Он и тебя будет охранять от чудищ в темноте.

Ты счастлива? Я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Я закопала во дворе секретик из цветных стёклышек и лепестков ромашки. На секретик я загадала желание, чтобы ты, то есть я... мы обе были счастливы. Надеюсь, все твои мечты исполнятся. А если не исполнятся, тогда раскопай секретик с желанием. Я закопала его возле красных качелей во дворе.

Если ты захочешь что-нибудь мне рассказать, напиши письмо и отправь Деду Морозу. Я знаю, ему пишут, когда Новый год приходит. Но я уверена, что он умеет отправлять письма из будущего в прошлое. Ведь это же Дед Мороз! Он всё может!

До свидания, Марина. До встречи в будущем!».

Дима положил письмо на кухонный стол, выбрав на нём место почище.

– Знаешь, что... Давай, мы всё уберём тут, а потом вместе испечём блинчики. А Сдобряк, – указал он на плюшевого любимца жены, – нам будет помогать. Завтра я сделаю рамочку, и мы торжественно, под какой-нибудь гимн, поместим это письмо под стекло. Что скажешь?

– Угу, – благодарно кивнула Марина, вытирая слёзы.

«Я счастлива, Марина из прошлого. Я очень счастлива»...

Страх

Страх... Нет, не страх... Дикий ужас завладел всеми клеточками её тела. Завязался узлом где-то внизу живота и парализовал.

Широко распахнутыми от ужаса глазами она смотрела на чудовище, боясь пошевелиться. «Мамочки, какой монстр. Просто огромный! Что делать? Что мне делать? Бежать? Нет, нельзя поворачиваться к нему спиной. Он тогда может на меня прыгнуть и укусить. Не закрывай глаза, Марина, не теряй бдительность. Твои два глаза против его восьми... М-да, шансы не равны... Что же делать? Ой, мамочки! Он ко мне идёт! То есть, ползёт! На своих жутких восьми лапах! Я сейчас в обморок грохнусь. Нельзя, Марина, держи себя в руках! Иначе будешь съедена этим чудовищем! Ноги не слушаются, руки трясутся. Что же делать? Что делать? Кричать? Точно! Надо на помощь позвать! Дима! Димка!»

Узел первобытного страха, добравшись до груди, обвился вокруг сердца, затем медленно пополз к горлу, покрутился там немного, перехватывая дыхание и, наконец, развязался, высвобождая дикий крик.

– Ди-и-и-и-има-а-а-а-а!

Поспешив на зов жены, Дима споткнулся о порог и ударился о косяк.

– Ах, ты ж... Мариш, ты чего так орёшь?

– Димка! Он меня съесть хочет! – Марина юркнула за широкую спину мужа. Маленький паучок заметался по коридору. Так и не найдя места, где можно было бы спрятаться от жуткого звука, вибрирующего во всех лапках, он забился в угол и стал готовиться к скорой смерти.

«Вот надо было мне выползти именно сейчас и именно сюда! Но я же не знал, что тут будет этот большой и громкий монстр! Бр-р-р, жуткий какой! Ну всё, сейчас меня прихлопнут. Прощай, моя любимая паутинка! Нам было хорошо вместе».

– Так, Мариш, иди в комнату, я разберусь с ним.

Марину не пришлось уговаривать. Она влетела в комнату, запрыгнула на кресло и с головой накрылась пледом. Дима взял половую шётку, медленно подошёл к застывшему от ужаса паучку и осторожно замёл его на совок. Потом вышел на улицу и стряхнул паучка на землю.

– Эк тебя угораздило к нам в квартиру попасть, бедолага. Беги, и больше к нам не забредай.

Паучок пристально посмотрел на Диму четырьмя парами глаз, развернулся и помчался со всех ног в подвал к своей любимой паутинке.

– Марина, можешь вылезать. Убил я твоего дракона.

Марина откинула плед, огляделась по сторонам, убедилась, что монстра больше нет.

Она облегчённо вздохнула и улыбнулась.

– Ты мой рыцарь!

Увидев огромную шишку на лбу мужа, она легонько коснулась её своими прохладными пальчиками.

– Больно?

– Ерунда! Шрамы, полученные во время спасения принцессы из лап дракона, лишь украшают рыцаря.

Марина обвила руками шею мужа, благодарно целуя его в щёку. И тут увидела его... Он тихонечко спускался на тонкой ниточке с потолка в поисках своего товарища.

– Ди-и-и-и-и-има-а-а-а-а-а-а!

Девятая жизнь

– Зачем я взялась за эту работу? Вот мало мне было, что ли? – ругала сама себя Марина. – Хотя Пал Олегычу разве откажешь? Как он глянул на меня?! Пронзительный такой взгляд и голос... Вроде и вопрос задал, да так, что и отказать не посмеешь. Только он так умеет спросить – с утверждением, будто ты уже ответил согласием. А остальные хороши! Бочком, бочком так отодвинулись, и я одна осталась. Вот на меня и пал указующий перст начальника. «Ну что, Лемина, возьмёшься? До завтра справишься?» – передразнила она голос начальника.

Марина посмотрела на светящийся монитор компьютера, перевела взгляд на пятьдесят листов рукописного текста, который до завтра надо было перенабрать и откорректировать, и тяжело вздохнула.

– Тук-тук-шкрёб.

Громкий и неожиданный звук заставил девушку вскрикнуть. Марина подошла к двери и осторожно приоткрыла её. В полутёмном офисе не было ни живой души: все разошлись по домам после окончания рабочего дня.

– Кажется, пора заканчивать с работой. А то уже глюки начались.

Марина закрыла дверь, села за рабочий стол и хотела уже вернуться к тексту, как снова услышала:

– Тук-тук-шкрёб.

Марина испуганно сжалась, втянув голову в плечи. А звук тем временем повторился.

– Тук-тук-шкрёб.

На цыпочках девушка подошла к двери и приоткрыла её совсем чуть-чуть, чтобы одним глазком посмотреть, кто же к ней стучится.

– Мариночка, – девушка вздрогнула от раздавшегося баса. – А вы чего ещё тут?

– Ох, Сергей Валерьевич, напугали вы меня, – облегчённо выдохнула Марина. – Да вот, Пал Олегыч сверхурочной загрузил.

– А я обход делаю, смотрю – в вашем кабинете свет горит. Дай, думаю, загляну на огонёк, проверю. Всё здание-то пустует уже. Шли бы и вы домой. А то поздно уже. Могу такси для вас вызвать.

– Нет-нет, это ни к чему. Я Димке позвоню, он меня и заберёт. Только вы его на парковку пустите, пожалуйста, чтоб мне далеко не ковылять.

– Пушу, конечно, Мариночка. Только вы скоренько-скоренько, ладно?

– Хорошо, Сергей Валерьевич. Через полчаса самое позднее меня здесь не будет. Марина улыбнулась охраннику, закрыла дверь и направилась к компьютеру. Она порылась в бумагах, лежащих на столе, и откопала среди них флешку. Скопировав на неё то, что успела сделать за вечер, пробубнила себе под нос: «Закончу работу дома» и закинула флешку в сумочку.

– Тук-тук-шкрёб, – снова раздалось за дверью. – Тук-тук-шкрёб.

Марина медленно опустила на офисный стул, поджала под себя ноги и дрожащими руками набрала на телефоне номер мужа.

– Дима? Димочка, – прошептала она в трубку. – Забери меня, пожалуйста.

– Мариш, ты чего шепчешь? Что-то случилось?

– Ты просто забери меня поскорее.

– Пять, максимум десять минут, Мариш. Я уже еду!

– Дим, я договорилась – тебя на парковку пустят. Только ты побыстрее, ладно? – прошептала Марина и отключила телефон.

– Тук-тук-шкрёб.

– Нет, мне это однозначно надоело!

Марина вскочила, схватила первую попавшуюся папку с бумагами и прыжком оказалась возле выхода. Она рванула на себя дверь со словами:

– Если это вы, Сергей Валерьевич, то я вас сейчас побью!

– Мья-а-ау! – раздалось откуда-то снизу.

– Чего? – Марина недоумённо захлопала глазами. – Кошка?

– Мья-а-ау! – повторило животное, потеревшись о ноги девушки.

– Это ты стучала? А разве кошки так умеют?

– Мья-ау.

– И откуда ж ты такая взялась? – Марина взяла кошку на руки и погладила. – Ох, и досталось же тебе от жизни! Ухо ободрано, глаз слезится. Знаешь, мой муж – звериный доктор, прям как Айболит. Он тебя вмиг вылечит.

Марина выключила компьютер, погасила свет в кабинете, подхватила сумочку и, захлопнув дверь, направилась к парковке.

Девушка стояла на уличной парковке, высматривая Димину машину. Кошка уютно мурлыкала у неё на руках.

– Темно, – Марина повела плечами. – И зябко. Хоть и лето. Ну где же Димка? Обещал через десять минут быть. Уже пятнадцать прошло. Вот я ему задам, когда придет!

– Слышь, дамочка, – услышала она неприятный скрипучий голос. – Сумочку давай. Перед Мариной, словно вынырнув из-под фонаря, возник незнакомец.

– Ты глухая что ли? Сумку давай, говорю!

Он попытался сдёрнуть сумочку с плеча оторопевшей от испуга девушки.

– Ой-ёй! Димочка, где ты! – закричала Марина.

Тут кошка встрепенулась, прыгнула с рук девушки да прямо на голову хулигана. С диким мявом и шипением она вцепилась когтями в волосы и лицо грабителя. Мужчина заорал, закрутился на месте как волчок, смешно размахивая руками, а кошка продолжала цепко держаться, повиснув на капюшоне его толстовки. Марина, шокированная происходящим, стояла, раскрыв рот.

– Марина! Мариночка! – бежал на выручку девушке охранник. – Уходите! Уходите! Но девушка была в таком оцепенении, что не слышала криков мужчины. Лишь визг резко затормозившей машины вывел её из ступора.

– Димка! – со всех ног она кинулась к мужу.

Дима подхватил её, прижал к себе, спросил охранника:

– Помощь нужна?

– Не, – ответил охранник, скручивая руки грабителю, который через всхлипы бубнил: «Снимите её с меня. Снимите с меня этого демона!». – Полицию я уже вызвал. Как Мариночка?

– Мариш, ты как?

– Дима, Димка! – Марина уткнулась носом в грудь мужа и успокаивалась, вдыхая такой родной запах. – Ты где был, ёлки-палки?! – она стукнула его по плечу.

– С ней всё хорошо! – бросил Дима охраннику, усмехнувшись.

– Куды? Лежать! – охранник прижал грабителя коленом к земле. – Откуда ж ты тут взялся-то, а?

Ответом ему стали проблесковые маячки полицейской машины.

– Думаю, на этом всё. Ваши показания я записал, адрес и телефон – тоже. Если что понадобится, мы вас вызовем.

– Спасибо. Мы можем идти? – спросил Дима.

– Да, конечно, – ответил следователь, не отрывая головы от блокнота и что-то в нем записывая.

Выйдя из кабинета полицейского, Дима и Марина столкнулись с Сергеем Валерьевичем.

– Сергей Валерьевич, вас подбросить?

– А? Да-да, Дима, конечно. Вот только напарнику отзвонюсь. Хорошо, что всё обошлось.

– Спасибо вам, – Дима пожал крепкую руку охранника. – Спасибо, что спасли Марину.

Если бы не вы...

– Спасли Марину, – пробормотала девушка отрешённо и тут же вскрикнула: – А где кошка?!

– Кошка?! – в один голос переспросили Дима и Сергей Валерьевич.

– Какая кошка, Мариш?

– Она ко мне в дверь в офисе постучалась. Я её на руках держала, когда... когда... Её надо найти, Дим.

– Ладно-ладно, Мариш, успокойся. Поехали домой, а кошку завтра поищешь.

– Нет! Её надо сейчас найти! Дима, ну пожалуйста... Сергей Валерьевич, миленький...

– В здание я вас пустить не могу – заперто уже всё. На парковке можете поискать, а здании уже только завтра, Мариночка.

– Ну, хотя бы на парковке... Дим?

– Ладно уж, поехали, поищем твою кошку.

– Что за кошка-то?

– Серая такая, с белыми пятнами. Она в дверь стучать умеет, представляешь? Кис-кис-кис-кис-кис. Киса, ты где?

– Кис-кис. В дверь стучать? Кошка? Мариш, а ты не переработала?

– Ты мне не веришь, да? Ну погоди, вот найду её и докажу тебе! Кис-кис-кис. Ох, ну пожалуйста, найдись!

– Мяу, – жалобно прозвучало из-под машины.

– Киса! Кис-кис, выходи. Тебя не обидит никто. Это я. Помнишь меня? – Марина опустилась на четвереньки и протянула руку к забившейся под машину кошке.

– Мяу, – кошка понюхала пальцы девушки, лизнула их, потёрлась об руку и выбралась из своего укрытия.

Марина ухватила кошку, прижала к себе, уткнувшись носом в мягкую шерстку. Кошка довольно заурчала.

– Это ведь она меня спасла. Я её на руках держала, хотела тебе показать. А тут этот... она как вцепилась ему в лицо! Я же всё полицейскому рассказала. Ты что, не слушал?

– Да я думал, что тебе кошка от страха померещилась.

– Померещилась, да? – Марина обиженно надула губы.

– Ну ладно, Мариш, не дуйся. Говоришь, это спасительница твоя?

– Да! Вот, посмотри. У неё ушко порвано и с глазом что-то.

– Ну-ка, дай гляну. Да, досталось этой кошке от жизни. Ухо, должно быть, в драке порвали. Рана зарубцевалась уже, нет смысла зашивать. В глаз мы капельки покапаем, вылечим. А вот тут, смотри, видимо перелом был. Скорее всего от мальчишек с палками или камнями досталось.

– Дим, ты правда сможешь ей помочь?

– Ну конечно. Поехали домой, а завтра утром я её в клинику с собой возьму.

– Дим, а давай мы её себе оставим, а? Она ж мне жизнь спасла всё-таки. Димочка, ну пожалуйста.

– Ох, Мариш, – Дима ласково поцеловал жену в макушку. – Поехали домой. Вместе с кошкой.

– И-и-и, – радостно взвизгнула Марина. – Димка, ты самый лучший!

Кошка... Она просто мурчала, довольная, что у неё наконец-то появился дом и хозяева, которые будут о ней заботиться. У неё оставалась последняя, девятая жизнь.

В облаках

Люблю наблюдать за облаками. Всегда восхищалась, с какой лёгкостью и плавностью даже самые громадные тучи пересекают небесный свод. Вот и сейчас я сижу, задрав вверх голову, и пытаюсь разгадать их секрет. Некоторые облака, словно пёрышки, растянулись по всему небу и куда-то спешат. Другие – помощнее, образовали целые замки и важно, степенно вышагивают. Третьи зависли на месте, словно ждут чего-то. Как бы мне хотелось вместе с ними парить! А, в принципе, почему нет? Зажмуриваюсь, представляю себя пушинкой и... взмываю вверх!

Небо радостно принимает меня, словно старую подругу. Пушистые барашки облачков тянут меня поиграть в салки. И я резвлюсь с ними, хохоча до коликов в животе. Затем я забираюсь словно в кресло на одну из кучёвок и расслабляюсь, наслаждаясь полётом. Вместе с ней мы разбрасываем дождевые капли на поля, города и равнодушных ко всему людей. Тучка летит дальше по своим делам, а я продолжаю резвиться в облаках.

Пролетаю сквозь них, отщипывая небольшие кусочки перистой ваты и разбрасываю их вокруг, наслаждаясь нежнейшим снегом. Ого, какая махина! Чёрный грозовой нимбус навис над маленьким облачным голубем и вот-вот проглотит его! Надо срочно что-то делать! Я кружусь вокруг громады, пытаюсь разогнать её, уменьшить, ослабить. Зову на выручку ветер, и он с охотой помогает мне. Вместе с ним мы за считанные минуты разбиваем огромную тучу на множество маленьких пёрышек. Ф-фух, облачко спасено! Чем бы ещё заняться? Ветер, а давай наперегонки? Я с восторгом лечу над землёй, ныряю в густую крону деревьев, пролетаю над озёрной гладью, баламутя зеркальные воды. Вклиниваюсь в птичью стаю и смеюсь их возмущённым крикам. Как же здорово летать вместе со своими друзьями – ветром и облаками! Вот бы всю жизнь так!..

– Чего это она опять? Глаза закатила, слюни пускает!

– Да что с неё взять-то, с малахольной? Сидит себе вот так каждый день, в стену или потолок глядит и улыбается. Хорошо хоть не буйная, как Аверьев из третьей палаты. Делай уже ей укол и пойдём чаю попьём. Я пирожков принесла домашних.

– Погоди-погоди. Что-то не так. У неё ж пена изо рта! Врача! Зови скорее врача!

...Вот бы всю жизнь так! Ветер предлагает остаться в облаках насовсем. Я раздумываю недолго. Чего мне внизу делать? А здесь хорошо. Только устала что-то. Укутываюсь пушистым облачным одеялом и засыпаю...

На вершине

Воздух холодный, разреженный. Он проникает злыми иголками в мысли, стучит в висках словами «ты не сможешь, не дойдёшь, ты – слабак». Трудно дышать. Поначалу. Но потом... Потом захватывает эйфория! Стремление к победе, стремление доказать всему миру, доказать себе, что я смогу!

Все мышцы напряжены, но работают слаженно, чтобы я мог достичь своей цели. Подтянуться, выдохнуть, почти сорваться в бездну, почти сдаться, но всё же нащупать опору, и – новый рывок на вдохе. Ветер беглым прикосновением остужает моё разгорячённое тело, наполняя меня новыми силами.

Мозг за секунду выдаёт сотни решений, предположений и возможностей. Мне остаётся лишь выбрать самые подходящие и воплотить в реальность. Мой путь долог и тяжёл, и от этого ещё более приятно и воодушевляюще ожидание предстоящей победы. Каждый шаг даётся всё труднее, но я не сдаюсь. Злобный орк, засевший в моей голове, твердит мне: «откажись от цели». Но я спорю с ним из последних сил и продолжаю двигаться вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.